

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ИЮЛЬСКИЙ СОНЕТ

Лето похоже собой на картину Ван Гога –
ту, где растёт виноградник, а солнечный шар
сыплет на страждущих испепеляющий жар,
невыносимый, как милость иль ненависть Бога.

Лето такое, каких было раньше не много –
яркое, рыжее, прямо тебе – Пьер Ришар!
Ветер гуляет по улицам, точно клошар,
но замирает почтительно возле порога.

А за порогом – прохлада и свежесть жилья,
где обитаю с любимой женщиной я,
и не стесняюсь при этом считаться поэтом.

В солнце, как в славе, купаю себя день-деньской,
ну, а наступит сентябрь с его жёсткой тоской,
память осветит мне душу – июльским сонетом.

19 АВГУСТА

В недрах души закипает хмельное брожение,
жизнь окунается в радость, как яблоко в мёд.
Лето венчается праздником Преображения,
тот, кто читал о Спасителе – это поймёт.

Стукнет, упав с высоты, точно яблоко по́ столу
спелое счастье, набравшее сладость и вес.
Это – являет себя, как Спаситель апостолам,
наша судьба в дивном свете Господних чудес.

Сердце щемит от тягучей светящейся радости,
взгляды чисты, словно купол небес голубой.
Столько несчастий на нас низвергается в августе!
Все их окупит Господняя милость собой.

Поле судьбы – это вечное с бесом сражение,
и не дано нам предвидеть, кто верх в нём возьмёт.
Бог укрепляет нас праздником Преображения,
силы вливая нам в душу, как липовый мёд.

Льётся струя золотая, тягучая, вязкая,
воздух наполнен дыханием яблок и груш.
Бог нам являет Свой свет – и волшебною сказкою
преображаются тысячи верящих душ.

В мире так мало даётся нам счастья и сладости,
как-то всё больше тоска наши души гнетёт.
Пусть же, хотя бы раз в год, в золотом этом августе
Бог изольёт на нас щедрость, как пасечник мёд.

Праздничный день – как привал для усталого путника,
миг, когда можно присесть, ни о чём не грустить...
Это – так мало в сравнении с прочими буднями,
но ведь и этого сердцу в себя не вместить!

УТРО

Нас солнце застало в постели —
и я увидал в забыты,
как рядом призывно густели
горячие губы твои.

И было так страшно проснуться
и явь отграничить от сна...
А вдруг
 потянусь их коснуться,
а это — лишь *тень от окна?*

ИМЯ

Смята мраком сугробов перина,
волчи свадьбы вершатся в бору.
Мир затих. Только имя *Марина*
бьётся птицей на чёрном ветру.

Льдом сковало прозрачные лужи
истекающей соком луны.
Чем укрыть мне тебя в этой стуже,
заморозившей душу страны?

Оглянусь на немые равнины —
неужели пришёл Страшный Суд?
Ах, Марина, Марина, Марина,
вот уж ангелы чаши несут!

Лишь одно греет сердце отрадой,
глядя в даль занебесной тиши:
что и *там* — навсегда будут рядом
две избыбшие наши души...

СТАНСЫ

1.

Прижмись ко мне. Иль ты мне не жена
пред этим небом и пред Тем, Кто выше?..
В России нынче волчьи времена,
и в одиночку, *без любви — не выжить.*

2.

Прижмись ко мне. Согрейся и сомлей,
в моё плечо уткнувшись утомлённо.
Январь ли, март ли, на земле теплой —
не от лучей, а от сердец влюблённых.

3.

Прижмись ко мне. Не думай: «Что потом,
когда ослабнут этой страсти нити?..»
Бог есть — Любовь. Он Сам сказал о том,
прося с креста нас слёзно: «Возлюбите!»

4.

Век обречен. В огне или в войне
мир скоро сгинет, не важна причина.
Но если есть хоть миг — прижмись ко мне,
моя любовь,
жена моя — Марина...

У МЕНЯ ЕСТЬ ТЫ...

...И вновь — сентябрь. И острый дождик косит
листву своим серебряным мечом.
Но у меня есть ты, и эта осень —
мне нипочем.

Там, за окном, лежит продрогший город.
Не отогреть его реклам огнём!
Но у меня есть ты, и что мне холод,
коль мы — вдвоём?

Как мрачен мир! Из всех щелей Отчизны
на белый свет повыползала гнусь.
Но у меня есть ты, и грязи жизни —
я не боюсь.

Шагну за дверь: повсюду душу дразнят
грехи, соблазны, искусы, мечты.
Но у меня есть ты, и нет соблазна
сильней, чем ты.

А век всё злей: то ветром смерти студит,
то обагрят кровью шар земной.
Но у меня есть ты, и будь, что будет,
лишь будь — со мной!

БОГ ЕСТЬ — ЛЮБОВЬ

Поверь, Марина: неба синева —
не так пуста, как представляют люди.
В неё, как в свиток, вписаны слова,
в которых суть всего, что с нами будет.

Мела ли вьюга, шел ли год к весне,
плыла ли осень желтой субмариной,
а высь небес со строчкой обо мне
уже светилась именем — *Марина*.

Ну так сожми трехперстия щепоть,
перекрестись и, сделав шаг с порога,
взгляни на небо: там живет Господь,
Он есть — *любовь*. (Ну как любить — *вне Бога?*)

Марина, верь: Он — думает о нас,
Он нас проводит через все ненастья
и прячет на ночь солнца ананас,
даруя сладкий сумрак сладострастья.

Марина, *чем* мы воздадим Ему,
пока стезя не подвела нас к тризне?..
Прижмись ко мне. Пускай взойдет сквозь тьму
звезда, отметив зарожденье жизни.

То будет наш ходатай ко Творцу.
Не зря же свет звезды так дивно ярок?
Прижмись ко мне. И да не быть концу
тому, что нам дал Сам Господь в подарок...

ПОХОЛОДАЛО

Смотри, Марина, как похолодало!
А мнилось: лето — не прогонишь прочь!
Достань сегодня толще одеяло
да потеплей укутай нашу дочь.

Надень сапожки — твои ножки любят
тепло и ласку. (Мне ль того не знать!..) ...Толь рощу рубят, то ль из ружей лупят,
то ль сердце бьётся так, что не унять.

А ветер, ветер! Как хотел он сдуть бы
побольше листьев, их швыряя вверх!
Скажи, Марина: разве наши судьбы —
не так же точно рвет и треплет век?

Ну чем любовь я от него укрою?
Шипит: «Забудь! Забудь и не борись,
не то сожгу всё, словно греки Троя,
из-за Елены, что украл Парис...»

...Еще — сентябрь. Но уже стыннут лужи
и нет желанья выйти из квартир.
Скажи, Марина: разве наши души
дадут, чтоб их сковал безлюбьем мир?

Под сердцем — грусть, как под ногами глина.
Как Божье око — неба синева.
Шепчу все дни: Мариночка, Марина.
И не пойму: к чему еще слова?..

Ты — женщина. Адамово ребро.
Но, преступив законы первородства,
ты улыбнулась дерзостно и просто —
и мир плевал на райское добро!

Ты женщина. Сестра или жена —
тебе даны все сути во Вселенной.
Одно молю: не стань второй Еленой,
из-за которой — Троя сожжена.

Ты женщина. Каприз и благодать!
Твой смысл — как голос в дальнем автомате.
(Да будет вечно свята Богоматерь,
уже за то одно, что она — Мать!)

...Склонюсь к тебе. О, как ты хороша!
Целую твое имя в час разлуки.
Ты женщина. Ты свет. Ты боль и муки.
Не уходи! Не вынесет душа...

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

Ты останься со мной, пережди
непогоду и грустные мысли.
Над страной ледяные дожди,
как стеклянные нити повисли.

Посмотри – вся Россия лежит,
как опасная скользкая горка.
Как бы солнечный сгусток души
не покрыла такая же корка.

Слышишь – ветки трещат за окном,
от нависшего груза ломаясь?
Нелегко жить в плену ледяном,
гнущей тяжести льда не сдаваясь.

Стынет сердце ледышкой в груди.
Новый век, как метель, сатанеет.
Мрак и холод лежат впереди,
и душа от тоски леденеет.

Защитят ли холодную кровь
свитера да из шкур одеяла?
Мир промёрз, как окно. Лишь любовь
в нём чуть видный глазок продушала.

Это наше спасенье! Она –
нас согреет сильнее, чем одежда.
Нам любовь эта свыше дана,
чтобы в нас не погибла надежда.

Этот дождь, что сверкает стеклом,
он – не кара, а только проверка
наших душ и сердец на излом
и житейских трагедий примерка.

Чтоб, шагнув за порог избяной
на простор меж былым и грядущим,
мы любили наш мир ледяной,
веря в то, что он станет цветущим.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СКАЗКИ

Жизнь разворачивается, но сказка – не прощается
и с этим миром не утрачивает связь.
Земля вращается – и сказка возвращается,
росой жемчужной в травах утренних светясь.

Приходит вечер, и природа превращается
в туманный омут – тёмный, словно муть.
Лишь тьма сгущается – к нам сказка возвращается,
в глухую жуть укутывая суть.

При звуках музыки действительность смещается,
ручных зверей впуская в мир из-за дверей.
Мир возмущается, но сказка – возвращается
как каравелла из коралловых морей.

Она идёт, своих заплаток не смущается,
явь этой жизни замещая дивным сном.
И каждый встречный, сколько хочет, угощается
бесплатной радостью, как хлебом и вином...

ПРИХОД ТЕПЛА

Уже апрель шагнул за середину.
Давно следы томительной зимы
свело на нет и унесло, как льдину,
куда-то в область холода и тьмы.

Мы сняли шапки, расстегнули ворот,
идём, ловя целебные лучи.
Весна без боя покорила город,
он сам на блюде вынес ей ключи!

И солнца дни счастливой вереницей
спешат вступить в хозяйские права,
чтобы везде — в столицах и станицах —
как детвора, попёрла в мир листва.

Они в дома заходят, входят в избы,
как вещмешки, неся в руках тепло.
И голубеет взор моей Отчизны,
и на душе становится светло.

Кипит вокруг любовная работа,
гремит парад желаний, чувств, идей.
И так охота совершить хоть что-то
не для себя — а для других людей.

БЕРЕГ ОСЕНИ

Всё более яркой янтарною пенкой
сентябрь листву золотит день за днём.
Ещё один день – и вся гамма оттенков
на рощи и парки прольётся огнём!

Ночь скатится в тени, как в узкие щели,
и лес придорожный окажется вдруг
весь красным, как киноварь, где только ели
чернеют, войдя в этот огненный круг.

В семнадцатом веке вот так староверы
в невянских иконах свой огненный дух
в багрянец и охру вливали без меры,
спаяв воедино восторг и испуг.

Ещё один день – и костром Аввакума
взовьются леса, унося в небеса
сгоревшие души берёз, что угрюмо
останутся мёрзнуть и ждать чудеса.

Листок на ветру, как посланье в конверте,
помчит, вопрошая: «Доколе ж терпеть?» –
и высь отзовется: «До самая смерти...»
(А после – веками среди ангелов петь!)

Кончается в жизни любая дорога,
но надо ль грустить, что недолог был путь?
У Бога – небесных обителей много,
в любую входи и, как дома, в ней будь!

Ну кто мы на дереве жизни? Не больше,
чем листья меж небом и голой землёй.
Нет силы смотреть с высоты нам и – Боже! –
нет силы подумать о встрече с зимой...

Как танки по полю, пугающим ромбом
тяжёлые тучи ползут в небесах.
И нет нам укрытия в мире огромном
под ветреной высью в холодных слезах.

Курлыча прощально, протяжно и громко,
косяк журавлей уплывает на юг.
У берега осени – хрупкая кромка,
опасно стоять у неё на краю.

Очнись! Не смотри в эти мокрые выси –
там холод и смерть, и ничто не спасёт
от ветра, что ловит багряные листья
и их, словно души, над миром несёт...

МИАЗМЫ МАРТА

Мезень. Мазай спасает зайцев.
В душе тоска. Ты где, Мисюсь?
Мазками солнца, всем на зависть,
март, как Малявин, пишет Русь.

В лесу капель звенит мазуркой,
с берёз струится сладкий сок.
А ну-ка, подходи с мензуркой —
прими для бодрости глоток!

Восстав над сумрачными снами,
взамен зимы сухой и злой,
март птичьи песни, точно зная,
вознёс над мёрзлою землёй.

Смыв, как застывшую мастику,
снегов заумную мазню,
он, словно мальчиков Матисса,
ввёл в хоровод берёзок «ню».

Ещё морозец бродит низом,
но, уже чуя ток в крови,
март бродит кошкой по карнизам,
горланя песни о любви.

А в вышине — над крыш дворцами,
над хором кошек и собак —
мизинец Моцарта мерцает,
как Марса тлеющий маяк...

Как в сотый раз журнал «Мурзилку»,
листая мокрый старый сад,
весенний ветер, рот разинув,
в просторы устремляет взгляд.

Там, вдалеке от шумных улиц,
раздеты за год догола,
берёзы белые, сутулясь,
спят в ожидании тепла.

Мазай мазуриков ушастых
везёт, в долблёнку погрузив.
Спроси его, что значит, счастье —
он лишь покашляет в усы!

Несутся сахарные льдины
по мутной мартовской воде...
Русь и поэзия — едины.
Мезень... Мазай...
Мисюсь — ты где?..

ХОЧУ В ТУВУ

Хочу в Туву! Хочу в тот край,
где мир похож на дивный рай,
где ширь степей пленяет взор
и манят небо цепи гор;
где душу кличет не Париж,
а ястреб, что чуть выше крыш
парит, пронзая синеву...
Хочу – в Туву!

Хочу у озера Дус-Холь
отведать соль, что лечит боль
и, глядя в воды Чагытая,
бродить, о будущем мечтая,
а где Дургенский водопад
к себе притягивает взгляд —
воздать, ликуя божеству!..
Хочу в Туву.

Кызыл – тувинская столица,
прекрасны люди, ярки лица,
над Енисеем Бúдды лик –
весь лучезарен и велик.
С утра сияет солнце слепо,
Центр Азии нацелен в небо,
и хоть всю жизнь люблю Москву,
хочу – в Туву!

О, как здесь чист и вкусен воздух!
А как сияют в небе звёзды!
Для всех хозяев и гостей
Тува – запахнутый музей:
ходи, любуйся, наслаждайся,
тувинским духом насыщайся,
вкушай народную молву...
Хочу в Туву!

Хочу в Туву! Туда – где горы,
где степи, реки и озёра,
где лось в тайге траву жуёт,
а в городах народ живёт.
Никто не тужит, с лесом дружит.
Над городами ястреб кружит.
Колышет ветерок листву...
Хочу – в Туву!

Хочу в тот край, что дышит новью,
где всё наполнено любовью
и, словно чудом из чудес,
струятся песни до небес.
О, как зенит здесь синеокий!
Люблю я этот мир широкий,
и этим миром я – живу...

Хочу в Туву!

КАЗАХСКАЯ НОЧЬ

Душно и звёздно. В небе высоком —
жаркой лепёшкой повисла луна.
Веет поэзией, древним востоком,
кто-то вздыхает тайком у окна.

Шелест ли, шёпот ли, шорох ли сада —
слышу, как, нежно склоняясь ко мне,
ночь, как искусная Шехерезада,
новую сказку плетёт в тишине.

Сквозь темноту — то яснее, то глуше,
точно вдали где-то локомотив, —
ночь раздвигая, всплывает мне в душу
сладкий, как дыня, восточный мотив.

Азия! Песня моя золотая!
Звонких кузнечиков переполох!
Степь вспоминает улыбку Абая,
и — ветерок пробегает, как вздох...

Как старики говорили когда-то:
в каждом из нас, кем себя ни зови,
чуть поскреби — и найдёшь азиата
с духом кочевника в жаркой крови.

Не потому ли, Россию любя, я
чую, как манят меня из Москвы —
строчки Абая, просторы без края
и беспредельность ночной синевы...

ЯКУТИЯ МОЯ

По трапу в самолёт
взойду, вверяясь Богу,
пусть мчит меня сквозь ночь и дальние края —
туда, где под крылом лежит светло и строго
Якутия моя.

Я видел много стран, на красоту которых
смотрел бы и смотрел, дыханье затая.
Но душу позвала, запев пургой в просторах,
Якутия моя!

Промёрзшая земля — трудна для земледельца.
Но с мёрзлою душой — трудней в сто крат, друзья.
Согрей меня в мороз своим горячим сердцем,
Якутия моя!

Пусть мир давно объят бездушия проказой,
пусть жалит всех цинизм смертельней, чем змея,
сердца твоих детей — чисты, словно алмазы,
Якутия моя.

Проходят день и год, а память — остаётся,
как пепел от костра, как русло от ручья,
как лёд, что спит в земле, словно брикеты солнца,
Якутия моя.

Мне сладок твой мороз. И говор бубна — сладок,
как пенье моего родного соловья.
Чем я тобой пленён? Какою из загадок,
Якутия моя?

Промчится год иль век, и я однажды вздрогну,
как вздрагивает лось от выстрела ружья,
когда ко мне из сна всплывёт твой облик строгий,
Якутия моя.

Чем я тебе воздам за этот воздух синий?
За песню, что звенит, как вешняя струя?
За то, что ты была
и есть — сестра России,
Якутия моя?

Свети в моей судьбе звездой с небосклона!
Бей в бубен, чтобы зла не убоялся я.
Звени в моей душе строкою Омоллоона,
Якутия моя!

«Земля нам — мать, а мы — её родные дети!» —
учил нас Суорун, ключ к жизни не тая.
Ну, так цветы, как сад! И будь — всегда на свете,
Якутия моя!

ВАРШАВКА

Варшавское шоссе,
сверкающая лента.
Обочины в росе.
Дни завершенья лета.

Висит над головой
небесный свод жемчужный,
под ним — сияет мой
любимый округ Южный.

Как сладостно в груди
становится и жарко,
когда иду бродить
в сень Битцевского парка!

Когда, свернув с Сумской,
иду Кировоградской,
щемятельной тоской
мои глаза искрятся.

«Нельзя жить без любви!» —
кричит души державка.
Гудит в моей крови
бегущая Варшавка.

Шумит вокруг листва,
шуршат автомобили,
и просятся слова
в поэмы или были.

О том, что через все
невзгоды и ненастья
Варшавское шоссе
лежит, как вектор счастья...